

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Славянский сборник. В. Г. Белинский

Трепещите и кланяйтесь, читатели! Вы готовитесь иметь дело с книгой, которая – бездна премудрости, океан учености... Вообразите: одних примечаний полторы тысячи!.. Предмет книги самый ученый – славянский мир, иначе славянщина, или словенщина... Цель книги – восстановление русской народности, будто бы съеденной врагами нашими, немцами; вожделенное восстановление это торжественно совершается книгой через решение вопроса, что варяго-русы были не немцы, а славяне, – чистые, породистые славяне, без всякой немецкой или другой какой еретической примеси. Средства книги – страшная эрудиция, неслыханная начитанность. Не знаем, как вам это покажется, но что касается до нас, мы нисколько не испугались этой книги. Ученость – вещь почтенная, и мы сочли бы варваром, готтентотом всякого, кто без уважения стал бы смотреть на ученость; но ученость учености рознь: есть ученость истинная, светлая, плодотворная и благотворная и есть ученость ложная, мрачная, бесплодная, хотя и работающая. Через ученость люди доискиваются истины; через ученость доискивался истины Фауст, тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнениями, жаждавший обнять, как друга, всю природу, стремившийся добраться до начала всех начал, до источника жизни и света, и бестрепетно пускавшийся в беспредельный и невещественный мир матерей{1} – первородных чистых идей. Но через ученость же добивался истины и Вагнер, человек узколобий, ограниченный, слабоумный, сухой, без фантазии, без сердца, без огня душевного, прототип педанта, представитель всех возможных Тредьяковских, изобретателей русских гекзаметров на греческий лад и русских октав на итальянский манер...{2} К чему ни прикоснется Вагнер – все иссыхает и гниет под его мертвую руку: цветы теряют свои краски и благоухание, красота превращается в мертвый аппарат, нравственность становится скучным жеманством, истина – пошлою сентенциею... Глядя на Вагнера, особенно слушая его, чувствуешь невольное отвращение к науке и к учености: так противеет в глазах ваших красивый, благоухающий, вкусный и сочный плод, если по нем проползет отвратительный слизняк...

Вагнеров много, и они разделяются и подразделяются на множество родов и видов. Мы имеем теперь в виду только один род этих, впрочем, очень любопытных людей. Сохраняя общие родовые признаки всех Вагнеров, то есть ограниченность, слабоумие, сухость, пошлость, задролчивость и фанатизм, – Вагнер, о котором мы хотим говорить в общем типическом смысле, не применяя ни к кому в особенности его характера, – наш Вагнер ко всем этим прекрасным качествам присовокупляет еще ипохондрическую способность впадать в манию какой-нибудь нелепой мысли, какого-нибудь дикого убеждения. Избрав предметом своих занятий, например, историю, он видит в истории совсем не историю, а средство к защите и оправданию чудовищных идей. Во всех других отношениях существо доброе и нисколько не опасное, – он делается разъяренным, когда он говорит или пишет о своей заветной идее, на которой помешался. Все противники этой идеи – личные враги Вагнера, хотя бы они жили за сто или за тысячу лет до его рождения; все они, мертвые и живые, по его мнению, люди слабоумные, глупые, низкие, злые, презренные, способные на всякое дурное дело. Все ее защитники и последователи, мертвые и живые, по его мнению, люди умные, гениальные, добродетельные, чуть не праведные. Идея его – истинна и непреложна: он ее доказал, утвердил, сделал яснее солнца, – и только люди, ослепленные невежеством или злобою, могут не видеть этого. Говоря о своей идее, как об аксиоме, принятой всем миром, за исключением нескольких невежд и злодеев (хотя бы в самом-то деле, кроме самого Вагнера и его приятелей, или никто и знать не хочет ее, или все смеются над нею, как над вздором), – он сам о себе говорит, как о великом человеке, великом ученом, великом гении, и, в подтверждение этого, не краснея, вставляет в свою книгу похвалы самому себе, полученные им от своих приятелей, таких же Вагнеров, как и сам он, и в благодарность, с своей стороны, также превозносит их до седьмого неба. Бедный человек, жалкий человек! Хуже всего в нем то, что он от всей души считает себя великим ученым. В самом деле, он усердно занимается своим предметом, много прочел и перечел, знает бездну фактов, – словом, по всем правам принадлежит к числу самых остервенелых книгоедов. Но, несмотря на то, он так же мало имеет права претендовать на титул ученого, как и на звание умного человека. Это не потому только, что Вагнер ограничен и, как говорится, недалек и пороха не выдумает: и ограниченные люди могут быть учеными (эмпирически и фактически) и своими посильными трудами, очищая старые факты и натываясь на новые, приносить пользу науке; но потому что Вагнер, о котором мы говорим, в науке видит не

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru науку, а свою мысль и свое самолюбие. Он принимается за науку уже с готовою мыслию, с определенной целью, садится на науку, как на лошадь, зная вперед, куда привезет она его. Мы этим не хотим сказать, чтоб нельзя было приступить к науке из желания оправдать ею свою задушевную мысль, в которой человек убежден по чувству, предчувствию, а priori[1], и которой он хочет, путем науки, дать действительное, реальное существование. Нет, так приступал к науке не один великий человек, и не без успеха; но для этого нужно прежде всего, чтоб задушевная, заветная, пророческая мысль родилась в благодатной натуре, в светлом уме и чтоб она носила в себе зерно разумности; потом необходимо, чтоб приступающий таким образом к науке, для оправдания своей мысли в собственных глазах и глазах всего мира, – вошел в святилище науки с обнаженными и чистыми ногами, не заноса в него сора и пыли заранее принятых на веру убеждений. Он должен, на все время исследования, отречься от всякого пристрастия в пользу своей идеи, должен быть готов дойти и до убивающего ее результата. Человек, который посвящает себя науке, не только может, должен быть живым человеком, в теле, с кровью, с сердцем, с любовью; но у науки не должно быть тела, крови и сердца: она – дух бестелесный, чистый отвлеченный разум, без крови и сердца, без страстей и пристрастий, холодный, строгий, суровый и беспощадный. У нее есть любовь, но своя особенная, ей только свойственная, духовная, идеальная любовь к предмету бесплотному, отвлеченному – к истине, – не к той или вот этой истине, заранее известной, а к такой, какая сама собою явится результатом свободного исследования. В этом смысле, тип истинного ученого – математик, который, ища неизвестной величины, нисколько не заботится, какая именно будет эта величина и понравится она ему или нет: для него все величины равно хороши, и он добывается именно той, которая необходимо должна быть результатом решаемой им задачи. У кого есть любимая мысль и кто таким образом оправдает ее через науку, тот вполне заслуживает высокого и благородного титула ученого; равным образом как и тот, кто умеет отказаться от любимого убеждения, если увидит, что оно оказалось, через ученое исследование, предубеждением или заблуждением. Не таковы Вагнеры, о которых мы говорим: они обращаются с наукою, как с лошадью, которую заставляют насильно везти себя куда им нужно или куда им угодно. Любимые мысли их всегда вне науки и ее интересов. Устремят ли они свое исключительное внимание, например, на русскую историю, – не думайте, чтоб их цель была разработать ее материалы, разъяснить ее темные факты или изложить в стройном повествовании ее события. Нет, подобные труды и задачи они охотно предоставляют другим, а сами занимаются вопросами, которые столько же легки для ученой болтовни, сколько пусты в своей сущности. Им, видите ли, нужно непременно узнать, кто были варяго-руссы. Зачем? Для окончательного решения первого вопроса русской истории, какова бы ни была степень его важности? – О, совсем нет! Им это нужно для изъявления их отвращения к немцам и любви к славянскому миру. Как надо решить вопрос – это они знают наперед. Еще не начиная заниматься русскою историей), они уже знали, что варяго-руссы – чистые славяне и что Шлецер с умысла «врал»), называя их норманнами, увлекаемый рейнским патриотизмом. Читая этих господ, так и думаешь, что читаешь писание какого-нибудь брататого учителя какого-нибудь старообрядческого толка: та же стрелецкая ненависть ко всему иноземному, та же нелепая логика, то же фанатическое исступление в диких убеждениях...

Но это вагнеровское направление становится еще диче, когда к нему примешивается охота сочинять исторические ипотезы и догадки, которые выдаются за непреложные истины на основании натянутых словопроизводств, сближений, цитат и так называемой «исторической логики». Ни одна область науки так не богата чудовищными нелепостями, как область филологии и истории. Происхождение, начало и сродство языков и народов представляют самое обширное поле для произвольных толкований, нелепых догадок и диких заключений. Первоначальная история всех народов покрыта глубоким и непроницаемым мраком, – и потому Вагнерам тут легко одними и теми же доказательствами утверждать самые противоречащие положения. Для этого и невежество и многознание равно служат, и последнее иногда доходит еще до больших нелепостей, нежели первое. По крайней мере последнее увлекает за собою толпы адептов и иногда переходит от поколения к поколению. Ученость этого рода поистине забавна с своими важными исследованиями вопросов, которые в сущности очень неважны, а главное – неразрешимы. Великий наш юмористический поэт, глубокий знаток тех комических слабостей человеческой природы, в которых так трудно уловить тонкую черту, отделяющую гениальность от сумасшествия, – превосходно характеризует манеры и уловки исторических исследователей. Он сделал это, чтоб объяснить происхождение глупых сплетней, которые возникли насчет героя его романа и ни с того ни с сего в глазах сплетниц обратились в достоверность.

Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлицом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? или: не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек, или показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, – и рассуждение заключено словами: так это вот как было, так вот какой народ нужно разуместь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет. Потом во всеуслышание, с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников («Мертвые души», стр. 362–363){3}. Это столько же не преувеличено и верно, сколько зло и смешно... Главный источник подобных человеческих слабостей заключается в человеческом самолюбии. Ученому, литератору приятно не только основать в науке свою систему, свой взгляд на предмет, но даже и быть последователем нового учения, кем-нибудь другим основанного. – Мы-де не староверы, мы-де впереди всех, – думают, самолюбиво осклабясь, такие ученые или такие литераторы, не подозревая, что они действительно впереди всех... на пути нелепости.

Но мы совсем забыли об «ученой» книге г. Савельева-Ростиславича, о знаменитом «Славянском сборнике», увлекшись разными размышлениями, которые, разумеется, нисколько не относятся ни к ученому г. Савельеву-Ростиславичу, ни к его варяго-русскому альманаху. Займемся же им исключительно.

Альманах состоит из нескольких статей, сочиненных г. Савельевым-Ростиславичем, и разделяется на два выпуска; третий печатается. Первая статья – «Критическое обозрение, во всех отношениях, системы скандинавского производства Руси, от 1735 до 1845» – занимает весь первый выпуск, напечатана гораздо крупнейшим шрифтом, нежели второй выпуск, перемечена римскими цифрами и до невозможности преисполнена типографскими ошибками, беспрепятственно искажающими смысл, – почему статью эту так же трудно читать, как дурно и неразборчиво написанную рукопись. За этой статьей в 239 страниц следует белая страница, потом четыре страницы указаний опечаток, которые, несмотря на то, показаны далеко не все; затем – латинский эпиграф из Тита Ливия; за ним – две белые страницы, а за ними – страница с русским переводом эпиграфа из Тита Ливия; потом заглавие новой статьи (первая статья не имеет заглавия – оно выставлено, вместе с поименованием всех статей, на цветной обертке), на обороте – белая страница (оттого книга толще и, следовательно, учнее), за которую уже начинается новая статья. Заглавие книги на цветной обложке весьма неблагоприятно жмется к корешку, оставляя большое поле справа. Все эти чисто внешние, типографические подробности могут показаться читателям мелочными придирками; но мы не могли избежать этих внешностей, потому что они находятся в живой связи с внутренним достоинством книги: «Славянский сборник» должен быть и напечатан по-славянски, в восточном вкусе, в противоположность лукавому Западу, который издает свои книги красиво, изящно, со вкусом и без опечаток...

Первая статья, не имеющая, как мы уже сказали, другого заглавия, кроме того, какое выставлено на цветной обложке (которая при переплете книги, как известно, бросается прочь), посвящена сочинителем «памяти Ломоносова и Венелина, падших в борьбе за независимость русской мысли». Аллах керим{4} – что это за известие? или, лучше сказать, что это за выдумка?.. Да когда же они падали? Можно сказать, например, о Волинском, что он пал за вражду к Бирону; но Ломоносов не падал, сколько нам известно, и умер своею смертью, незадолго до нее несчастливый посещением императрицы Екатерины II. Разве так падают? Дай бог всякому так падать! Правда, Ломоносов умер прежде времени, но это по собственной вине, вследствие некоторого славянского пристрастия к некоторому варяго-русскому напитку, а совсем не потому, чтоб его кто-нибудь преследовал за независимость русской мысли. Что касается до Венелина, он тоже умер не вовремя, даже гораздо более не вовремя, чем Ломоносов; но г. Савельев-Ростиславич сам лично знал Венелина, следовательно, знает, что он умер тоже совсем не вследствие преследования за независимость русской мысли... Итак, что же это за ученое сочинение, которое даже в посвящении умышленно говорит неправду? Или уже таково должно быть всякое произведение в славянофильском духе?..

Книга г. Савельева-Ростиславича начинается уверением, что Петр Великий любил Россию и русских и что он, когда мог, всегда предпочитал русского немцу. Это

справедливо, хотя уже и не ново. Сочинитель, ссылаясь на донесение Кампредона французскому двору, уверяет, что Петр Великий для того сзывал в Петербург всех дворян, под опасением конфискации имений и лишения дворянского звания за неявку, чтобы узнать способных на службу дворян и заменить ими иностранцев, которых он хотел вскоре уволить от службы и отослать. Это похоже на правду, однако ж на самом деле неправда, что бы ни говорили гг. Кампредон и Савельев-Ростиславич. Что Петр желал освободиться от лишних иностранцев, между которыми, естественно, было много пустых и даже вредных для России людей, и дать ход своим способным людям, – это верно; но чтоб он хотел отослать всех иностранцев, даже достойных и оказавших ему услуги, он, у которого между ними был когда-то Тиммерман, Гордон, Лефорт, был Остерман и после которого остался России Миних, – это просто выдумка, не стоящая опровержения. Императрица Екатерина, немка по рождению, но дочь Петра Великого не по крови, а по духу, равно умела дать свободный ход и широкое поприще и даровитым русским и даровитым немцам, и умела делать это так, что при ней не было ни русской, ни немецкой партии, а было вместо их твердое, умное и славное русское правительство. Г-н Савельев-Ростиславич продолжает сочинять: «Но Великий умер – и мысль его осталась без исполнения. Люди, к которым он питал глубочайшее презрение, размножились. В благодарность России, которая кормила их и поила, они подарили бироновщину (1730–1740), тяготевшую над нашим отечеством до счастливого воцарения дочери Петровой, кроткой Елизаветы, очистившей Русь от иноплеменников и предуготовившей нам век Екатерины Великой» (стр. VII, VIII){5}. Тут что ни слово, то вопиющая ложь! Читая это, невольно подумаешь, что иноплеменники с умыслу подготовили нам Бирона, как иезуиты, по мнению некоторых ученых, подготовили московскому царству Димитрия Самозванца... В благодарность подарили нам бироновщину – что за нелепость! Этак иной подумает, пожалуй, что Анна Иоановна была иноплеменница, а не родная дочь Иоанна Алексеевича, не родная племянница Петра Великого!.. Не знаем, право, в какой мере Елизавета Петровна предуготовила царствование Екатерины Великой; мы даже думаем, что славою и блеском своего царствования Екатерина II никому не обязана, кроме самой себя и своих сподвижников, которых она так хорошо умела выбирать... Жаль, что г. Савельев-Ростиславич не заглянул хоть в историю г. Устрялова{6}, если ему не известны другие источники касательно царствования Елизаветы Петровны... Но что ему до источников, что до истины: Елизавета Петровна очистила Русь от иноплеменников, а это в его глазах все равно, что сделать Русь счастливою! Но история говорит не то... Трудно было России при Петре – и реформа, и войны, и труд, и пожертвования; но правосудие и нелицеприятие великого царя, доступность к нему для всех и каждого, очарование имени и обильные плоды его подвигов вознаграждали Русь за все, – и после его смерти она, к несчастью, слишком скоро и слишком хорошо узнала, что была при нем счастлива. По смерти же Петра, только с царствования Екатерины II настала для России и теперь продолжающаяся эпоха счастья, благоденствия и славы.

По мнению г. Савельева-Ростиславича, система скандинавского происхождения Руси явилась во время Бирона, из угождения временщикам-иноземцам. Тут он видит решительный заговор немцев против русских. В самом деле, если Байер прав и варяго-русские князья пришли к нам из Скандинавии{7}, – горе нам: наша национальная честь посрамлена навеки, достоинство попорчено, и мы – нечто менее собаки, как говорят персияне. Словом, после этого нам, русским, остается только взять да повеситься всем до единого! Зато какое торжество для Швеции: после этого ей нечего даже жалеть ни о прибалтийских областях, ни о Финляндии! Но утешьтесь: Байер был немец, увлекавшийся рейнским патриотизмом, враг России, злодей, изверг, который хотел украсть нашу честь, славу, достоинство. Нашлись люди, которые изобличили его. Первым из них был великий Ломоносов{8}, последним – г. Савельев-Ростиславич. В «Славянском сборнике» подробно и красноречиво изображены подвиги того и другого по этой части. Во время Бирона немцы жили дружно между собою в России, а об русских в этом отношении вот что сказал Волинский: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга едим и с того сыты бываем». И все-таки не мы, а немцы были виноваты в наших бедствиях: по крайней мере г. Савельев-Ростиславич крепко держится этого мнения. Главную же причину наших бедствий в то время он полагает в скандинавском происхождении Руси. Скажи Байер с самого начала, что варяго-руссы пришли к нам с славянского балтийского поморья, и прими это мнение Шлецер, – Бирон ничего бы не мог нам сделать, и мы непременно сослали бы его в великий Кут{9}, или Прибалтийскую Сербь, в славянский город Винету, недавно дотла разрушенный диссертациею г. Грановского{10}. Но когда Ломоносов принял за русскую историю, которой он не знал, и за восстановление славы россов, – было уже поздно: немцы, Бирон и Байер, уже успели призвать в Россию скандинавских варяго-россов. Умный, ученый, энергический, гениальный Шлецер своею могущественною историческою критикою,

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru своими исследованиями и авторитетом утвердил Байерово учение о скандинавском происхождении Руси. Если и в наше время есть люди, которые, подобно г. Вельтману, считают «предосудительным для чести России скандинавское происхождение варяго-русов», – то могли ли на Шлецера смотреть иначе в те времена надутно-реторического патриотизма, когда сам Ломоносов, – человек высокого ума, гениальных способностей, сильного характера, великой учености, – если не принимал за достоверное нелепого и педантического мнения о происхождении Юрика от кесарей, то и не отрицал в нем вероятности!! И так, Ломоносов первый восстал против Байерова учения. Причиной этого восстания человека ученого и гениального, но решительно не знавшего истории, было, во-первых, убеждение, столь свойственное реторическому варварству того времени, будто бы скандинавское происхождение варяго-русов позорно для чести России, и, во-вторых, небезосновательная вражда Ломоносова к немцам-академикам и вообще огорчения, которым, по своей великой ревности к успехам наук в России, он подвергался вследствие академической кабалы и сплетен подьяческого характера. В числе его противников (которых – надо сказать правду – Ломоносов умел наживать себе вспыльчивостью и крутостью своего нрава) был и бессмертный профессор элоквенции, а паче всего хитростей пиитических, Василий Кириллович Тредьяковский. Г-н Савельев-Ростиславич до того осерчал на бедного и жалкого Тредьяковского, который держался немецкой партии и скандинавского происхождения Руси, что с восторгом и необыкновенною элоквенциею пересказывает историю истязания, которому Вольтер подверг Тредьяковского ровно ни за что. «Артемий Петрович накормил друга плюхами (говорит красноречивый г. Савельев-Ростиславич); приказал ввалить ему 70 палок по голой спине; велел закатить ему еще 30 палок; дал ему на прощанье еще с десяток палок...» (стр. XII). Вот что значит истощить на яркое повествование оплеушного и палочного события все богатство славянского языка и красноречиво воспользоваться всею энергией) и живописностью великокутских глаголов: накормить плюхами, ввалить, закатить и проч.!.. Г-н Савельев-Ростиславич с презрением говорит о Тредьяковском, который, по падении Вольтерского, взыскал с его наследников за побои 720 рублей. Что ж тут удивительного? Мог ли иначе поступить человек, которого кормили оплеухами и валяли палками, заказав ему стихи на шутовскую свадьбу в Ледяном доме?.. И можно ли слишком порицать низость чувств в писателе, которого, как всякого писателя, в то время можно было бить?.. А хорошее было то время, когда вельможа Вольтерский, провозглашенный патриотом, потешался собственноручным кормлением бедного писателя оплеухами?.. И писатели нашего времени берут сторону Вольтерского в этом позорном факте, забывая, что, каков бы ни был Тредьяковский, но ведь все же и писателя – брат писателя по ремеслу, если не по таланту... То-то славянская-то логика! А еще жалуются, что немцы обижали наших ученых и литераторов! Да найдите хоть одного немца, который бы не оскорбился, видя, что его брата по ремеслу бьют оплеухами и палками, хотя бы этот брат по ремеслу был его личный враг... Прав Вольтерский: «Нам, русским, не нужно хлеба: мы едим друг друга и с того сыты бываем...» Бедный Тредьяковский! тебя до сих пор едят писатели и не нарадуются досыта, что в твоём лице нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта!..

Г-н Савельев-Ростиславич, словно за великое преступление, упрекает Байера и Шлецера за их мнение о скандинавском происхождении Руси и приписывает его: 1) злему умыслу известить русское самопознание (стр. XV) и 2) немецкому патриотизму. Мы решительно не можем понять, почему бы Байер и Шлецер, даже ошибаясь, не могли прийти до убеждения в скандинавском происхождении Руси совершенно беспристрастно, без всяких злых умыслов и без всякого патриотизма? Что г. Савельев-Ростиславич принял мнение г. Морошкина о происхождении варяго-русов от балтийско-поморских славян Великого Кута, – принял его не по ученому убеждению, а по чувству патриотическому, – это ясно, – и он сам в этом сознается, находя предосудительным для России скандинавское происхождение варяго-русов. Немец вообще не слишком страстный патриот, а в науке он еще более космополит, чем в чем-нибудь другом. Мнение Байера, развитое и утвержденное Шлецером, сверх того, совсем не так нелепо, как угодно утверждать г. Ростиславичу. Оно имеет за себя сильные доказательства и много вероятности; если же оно также имеет сильные доказательства и против себя и если оно не имеет полной достоверности, – так это потому, что вопрос о происхождении Руси, будь сказано не во гнев г. Ростиславичу, столько же неразрешим, сколько и бесплоден, даже если б он и был разрешим. По тому же самому и мнение Эверса о черноморском происхождении Руси^{11} так же точно вероятно, как и мнение о скандинавском, так же точно имеет сильные доказательства за себя, как против себя. По тому же самому и мнение славянофилов о славянском происхождении Руси не вовсе лишено смысла и вероятности.

Много было мнений об этом предмете и еще будет больше, благодаря охоте людей решать неразрешимое и исследовать бесполезное, – и каждое из этих мнений будет иметь свою долю вероятности. Таково свойство ипотез: они представляют широкий разгул колобродству человеческого ума. Ипотеза может иметь свое относительное достоинство, но ничего нет нелепее, как принимать ее за непреложную истину, за аксиому и честить невеждами, глупцами и безнравственными людьми всех тех, кто с нею не согласен. Догадки и соображения должны играть важную роль в исторической критике; без логики тут, как и везде, нельзя шага сделать; но эти догадки и соображения, эта логика должны иметь материал, без которого они – пустые, хотя бы и ученые фантазии; этот материал – исторические факты. Только по их основанию логика, соображения и даже догадки доводят до истины. Если б хоть одно из многочисленных мнений о происхождении Руси основывалось на достаточном числе несомнительных фактов, – то это мнение сейчас же победило бы все другие и было бы признано за непреложное единодушно всеми учеными. Но пока об одном и том же вопросе существует множество различных и противоположных мнений, – до тех пор вопрос недалеко подвинулся, и нелепо считать его решенным. Карамзин очень умно поступил, последовав шлецеровскому мнению о происхождении Руси, но в то же время дав место и другому мнению. Но мы думаем, что будущий историк русской земли еще лучше поступит, когда, касательно вопроса о происхождении Руси, перечтет все важнейшие мнения, с их главнейшими доказательствами, и порешит, что ни одного из них невозможно ни принять, ни отринуть и что поэтому все они равно никуда не годятся. Разве найдется подлинная рукопись Несторовой летописи{12}, без искажений и пропусков, а в ней найдется определенное и никакому сомнению не подверженное указание на происхождение Руси; или разве отыщется другой какой-нибудь древний манускрипт, русский, славянский, латинский или немецкий, который окончательно решит вопрос о происхождении Руси, – тогда другое дело! Но в ожидании этого, право, давно пора бы перестать компрометировать и русскую историю и русскую ученость этими бесплодными изысканиями, эту бесплодную полемику, этими бесплодными ипотезами и всею этою ученостью Рудбеков и Тредьяковских! И что важного в решении этого вопроса? – Положим, что Байер и Шлецер правы, что варяго-русы пришли из Скандинавии: яснее ли от этого, хоть на волос, первый период русской истории? Эти варяго-русские князья из Скандинавии, призванные новгородскими славянами, так мало привели с собою своих норманнских земляков, что новгородская национальность не получила от их влияния никакого отпечатка, и если они что-нибудь привили к ней, так разве с десятков собственных имен, скоро ослабившихся, да много-много если с десятков слов, тоже скоро изменившихся и ослабившихся, так что теперь никак не разберешь, они ли к нам зашли от немцев, или от нас зашли к немцам. Скандинавские варяго-русы не занесли к нам даже феодализма – главнейшей черты тевтонской народности, потому что наша удельная система столько же в сущности похожа на феодальную, сколько русский язык похож, например, на английский: прототип нашей удельной системы совсем не политический и не государственный, а чисто семейственный и племенной, который и теперь сохранился во всей чистоте в помещицком праве{13}. Оттого и не вошло в нее майората, но, напротив, она сама собою исчезла бы чрез раздробление, если б нашествие татар не дало перевеса Москве. Где же другие следы влияния скандинавского происхождения варяго-русов на нравы, обычаи, характер, ум, фантазию, законодательство и другие стороны славянской народности новгородцев? Пока – их еще не отыскано, а о них-то прежде всего и следовало бы позаботиться Шлецеру и его последователям. Итак, что же вам в том, что к нашим предкам пришли шведы, а не другой какой-нибудь народ, например, не японцы?

Теперь положим, что совершенно и несомненно правы Ниман{14} и Эверс, – варяги-русь пришли из-за Черного моря: что ж в том, что пришли варвары к варварам да и потонули в их народности, не оставив в ней никакого следа, словно канули на дно? Сверх того, на Эверсе и его последователях лежит более тяжкое обвинение, нежели на последователях других мнений: их воззрение (которое, впрочем, едва ли не достовернее всех других) совершенно ниспровергает авторитет летописи Нестора, – и им следовало бы окончательно решить вопрос о ней, сличив ее списки и строго разобрав ее со всех сторон и во всех отношениях. Ученый профессор Каченовский, исключительно и долгое время занимавшийся развитием Эверсова взгляда на черноморское происхождение варяго-русов{15}, действовал так медленно, робко и нерешительно, что только возбудил новые (правда, очень важные и дельные, каких до него не существовало) вопросы, но не решил их, а школа его, с смертью г. Сергея Строева (Скромненки), как будто исчезла. – Теперь, положим, что варяги-русь пришли из прибалтийского Великого Кута, то есть свои пришли к своим: чем нее это лучше скандинавов или хозар, немцев или татар? Славянофилы говорят, будто это тем лучше, что иноплеменное происхождение Руси оскорбляет

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
наше национальное достоинство; но это такая нелепость, на которую смешно и возражать... Потом, они говорят еще, что от решения вопроса: немцы или славяне были варяго-руссы, зависит решение современной и будущей судьбы нашей народности, то есть можем ли мы развиваться своеобытно и самостоятельно или должны ограничиться жалкою ролью подражателей и передразнивателей той или другой, но всегда чуждой нам жизни. Это уже из рук вон нелепо, особенно в приложении к России! Во-первых, что за дикая мысль разгадывать и определять будущее народа, писать его программу? На основании многих данных можно быть убеждену, что Россию ожидает великая и блестящая будущность, но какая именно и каким образом, – стараться или надеяться узнать это, – такая же чудовищная нелепость, как и думать, что можно узнать будущую участь каждого человека. Для народа, как и для человека, жизнь тем и интересна, тем и заманчива, тем и обаятельна, что ее даль закрыта от его взоров и недоступна им, что он может заглядывать только разве в идею своего будущего, но никогда в форму его проявления. Дайте ему это всеведение будущего, и вы увидите, что он не захочет жить. Потом, что за нелепость судить о будущем народа по его отдаленному прошедшему, которое так оторвано даже от его настоящего? Что общего между новгородцем IX-го, москвитом XV-го и русским XIX века? Если можно предчувствовать и предугадывать (в идее) будущее, то не иначе, как на основании настоящего, которое одно есть испытанная мера и прошедшего, как результат его. Ведь дерево узнается по плоду. Если вы хотите узнать, выйдет ли что-нибудь путное из молодого человека, верно, вы не захотите справляться, каково он вел себя в утробе своей матери или потом в колыбели, а, напротив, каким обнаружил он себя в лета юности, когда созрели его силы, развились способности, обнаружилась воля? Положим, что варяги-русь были иноплеменники – шведы, хозары, чухны или кто угодно: что ж из этого? Кажется, Францию и Англию, например, нельзя обвинить в отсутствии или недостатке народности – как вы об этом думаете, гг. славянофилы? А между тем разве национальность их сложилась и развилась из одного элемента? Напротив, из многих. Галлы, коренное и туземное народонаселение Франции, были сперва покорены римлянами и отчасти смешались с ними кровью, языком, религиею, обычаями, из чего и образовался элемент галло-римский. Потом римская Галлия была завоевана франками (которых г. Савельев-Ростиславич считает, вместе с Венелиным, славянским народом!..), и, наконец, целая часть римско-галльско-франкской Франции завоевана была норманнами. Сколько различных элементов! Но сильное галльское начало восторжествовало над всеми, и в комментариях Юлия Цезаря нельзя не видеть зародыша нынешней современной Франции. А Англия? – бритты, потом римляне, потом саксонцы и наконец французские норманны! Здесь, кажется, наоборот Франции, тевтонское начало явилось преобладающим над цельтическим{16}, а результатом все-таки была сильная, крепкая, оригинальная национальность! Неужели этих уроков мало для доказательства славянофилам, что кто бы ни были варяго-руссы – немцы или славяне, – вопрос о нашей народности через них ровно нисколько не решается, и к нашему будущему они имеют еще менее существенного отношения, нежели сколько имели к тому давно прошедшему Руси, в которое пришли в нее?..

Пусть Шлецер ошибался в происхождении руссов: в этом нет никакого преступления с его стороны, никакого немецкого патриотизма, никакого злоумышления на честь и благоденствие России. И вообще, о Шлецере не худо было бы говорить с большим уважением, нежели как позволяет себе говорить о нем г. Савельев-Ростиславич, который, кажется, ровно ничего еще не сделал для русской истории... Да, пусть даже главная мысль Шлецера о русской истории – ошибка, заблуждение; но все-таки заслуги Шлецера русской истории велики: он своим исследованием Нестора дал нам истинный, ученый метод исторической критики{17}. Есть за что быть нам вечно благодарными ему! И если какой-нибудь г. Ростиславич может, будто бы с ученою манерою, нападать на Шлецера, то благодаря все ему же, Шлецеру же. И что за вина со стороны Шлецера быть немцем, и за что такая фанатическая ненависть к немцам, у которых Петр Великий выучился побеждать их же самих и которые дали нам флот, торговлю, просвещение, образованность, науку, искусство, нравы, благодатные выгоды цивилизованной человеческой жизни и все, чего не знали и чему были чужды наши предки, которые так чуждались и так ненавидели немцев?..

Но у г. Ростиславича, как истого славянина, немцы всегда и во всем виноваты – без вины виноваты, как говорит славянская пословица. Шлецер, смеясь над рудбековским искусством подвергать слова филологической дыбе, говорит: «Если дадут мне сотню русских имен, то, с помощью известного рудбековского искусства, возьмусь я отыскать столько же подобных звуков в малайском, перуанском и японском языках». Как же понял эти слова Шлецера добросовестный, беспристрастный славянин г. Ростиславич? – На основании этих слов он утверждает, что будто бы

«он сам (то есть Шлецер) хвастался рудбековским искусством находить сходство там, где нет ни малейшего сходства»!.. (стр. LVI){18}. Мало того: г. Ростиславич в восторге от этой остроумно полемической выходки Ломоносова против Шлецера, который действительно смешно ошибался в производстве некоторых русских слов: «Из сего заключать должно, каких гнусных пакостей не наколблюдит в российских древностях такая допущенная в них скотина...»{19} – «Резко, а ведь справедливо! (воскликает г. Ростиславич) и Ломоносов имел право (!) так (?) говорить, как русский (??!!) и как ученый (???!!..), коротко знакомый с отечественною историею (sic![2]), которой уделял часть своих занятий в продолжение нескольких лет» (стр. LXIV). Что за образ мыслей и чувствований у г. Савельева-Ростиславича!.. Но и этого еще не довольно для варяжского его правдолюбия: что ни делают немцы, все это глупо и низко в его глазах; что ни делает Ломоносов, все это у него и умно и благородно. Он в восторге, что речь академика Миллера (ученого знаменитого, который, даже, по признанию г. Савельева-Ростиславича (стр. XIX), оказал великие заслуги собранием материалов и «Сибирскую историею»), – речь Миллера о начале народа и имени русского, написанная в банеровском духе, была запрещена. Ломоносов с Крашенинниковым и Поповским объявили речь Миллера «п р е д о с у д и т е л ь н о ю д л я Р о с с и и». В этом случае как Ломоносов, так и г. Ростиславич обнаружили истинно славянские понятия о свободе ученого исследования, не говоря уже об «учености» их взгляда на то, что приговоры науки могут быть предосудительны государству или народу. Но и всего этого было мало г. Ростиславичу: ему оставалось еще доказать, что Миллер виноват и в том, что хотел защищаться и вознаградить себя за уничтожение его речи напечатанием ее. «Миллер (говорит г. Ростиславич) старался отомстить своим противникам другим образом: он стал, по выражению Ломоносова, «в ежемесячных и других своих сочинениях всевать по обычаю своему занозливые речи (какое преступление!) и больше всего высматривать пятна на одежде российского тела, проходя многие истинные ее украшения», – а «между тем в разных сочинениях начал вмещать свою скаредную диссертацию о российском народе, по частям (какой, подумаешь, изверг был этот Миллер!), и хвастать, что он ту диссертацию, за кою оштрафован, напечатает золотыми литерами»(стр. XXI){20}. Эти строки возбуждают в нас желание спросить г. Ростиславича: что бы он заговорил, если б так называемые им шлецеряне успели добиться запрещения всех изысканий касательно русской истории, делаемых не в духе Шлецера? Или, может быть, как истый славянин, он уважает свободу ученого исследования только для самого себя и для своих?.. И подобные монгольские книги пишутся в XIX веке и выдаются за «ученые» сочинения! Хороша ученость!

Но последуем желанию г. Ростиславича, отбросим всех этих немцев, которые совсем перепортили первый период нашей истории, и посмотрим на исторические подвиги Ломоносова, полюбуемся ими. Ломоносов признавал варяжскую Русь племенем славянским, обитавшим на южных берегах Балтийского моря: великая заслуга с его стороны в глазах г. Ростиславича! Но почему Ломоносов думал так, а не иначе, каким путем дошел он до этого убеждения? – Не по чему другому, как потому, что неславянское происхождение варягов-руси было бы предосудительно славе россов. Миллер, по внешней необходимости попытавшийся было на сближение с мыслию Ломоносова, стал подкреплять ее учеными доводами, о которых Ломоносов и не подумал (стр. XXI), но все-таки в племени роксоланов думал видеть скандинавов. Желая оправдать и очистить память Ломоносова от незнания и неучености в истории и доказать, что Ломоносов был и великий историк, только оклеветанный Шлецером, г. Савельев-Ростиславич делает длинную выписку из вступления к его «Древней российской истории». Мы думали и бог знает что увидать в этой выписке, которую г. Савельев-Ростиславич грозился убить наповал всех шлецерянов и неславянофилов; а вместо того что же увидели мы в этих строках Ломоносова, по мнению его апологиста, исполненных такой удивительной мыслительности, до которой немцам никогда не удавалось доходить? что нашли мы в этом историческом profession de foi[3] Ломоносова? – Ничего, кроме надутого риторического пустословия и суесловия о древней славе россов и об удивительном сходстве русской истории с римскою.. Вот маленький отрывок для образчика исторических воззрений Ломоносова: «Посему всяк, кто увидит в российских преданиях – равные дела и героев греческим и римским подобные, унижать нас пред оными причины иметь не будет; но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности...»{21} Мы не намерены издеваться над этими простодушными словами великого человека, жившего в том веке, когда идея и значение истории едва только предчувствовались немногими светлыми умами, отличавшимися философическим направлением. Ломоносов был ум положительный и практический, чуждый всякого умозрительного направления, да и история была совсем не его предмет. Немецкие ученые, с которыми он так

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
опрометчиво, так запальчиво и так неосновательно вступил в историческую полемику, стояя в отношении к истории как науке неизмеримо выше его, потому что они глубоко чувствовали и сознавали необходимость строгой и холодной критики, чтоб очистить историю от басни. Короче: мы не видим уголовного преступления со стороны Ломоносова, что он взялся явно не за свое дело. Но как же не грех г. Ростиславичу видеть в словах Ломоносова что-нибудь другое, кроме пустой реторики? Как! в наше время, не шутя, всю разницу между историей древних греков и римлян и между историей России видеть только в «нашем недостатке искусства, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»? Да это-то только и составляет все! Потому-то и нет ничего общего между древнею Грециею, древним Римом и Россиею времен елизаветинских, что у нас не было ни науки, ни искусства! Ведь между греческими и римскими героями и между греческими и латинскими писателями есть кровная, живая связь: явление одних необходимо уславливало явление других, и Омир, Исиод, Эсхил, Софокл, Эврипид, Пиндар, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Сократ, Платон, Аристотель, Демосфен, Аристофан, Пракситель, Фидиас, Апеллес, Тит Ливий, Гораций, Вергилий, Овидий, Тацит и другие были такими же точно героями и историческими лицами, как Ахилл, Агамемнон, Гектор, Кодр, Ликург, Солон, Мильтнад, Перикл, Алкивиад, Александр Македонский и все герои Рима, от консула Брута до Юлия Цезаря и последнего римлянина, соименника первому консулу. Где нет поэтов, историков, ораторов, художников, там нет в них и потребности, там не могли они быть, да там и нечего было бы им делать. Ломоносов, далее, находит решительное сходство между римскою и русскою историею.. Вот поистине наивная манера находить сходство там, где нет ничего, кроме совершенной противоположности и совершенного несходства. Но Ломоносову это извинительно: он и в истории был таким же ритором, как и в своих надутых одах на иллюминации и в своей раздутой quasi[4]-русской трагедии «Тамира и Селим», и поэтому в русской истории искал не истины, а «славы россов». Но простительно ли г. Ростиславичу, не шутя, без смеха, без мистификации передавать эти слова Ломоносова, как его право на титул историка, как доказательство, что Ломоносов указывал русской истории настоящую дорогу, с которой сбили ее лукавые и злонамеренные немцы?.. Мало всего этого; кончив выплеску риторических фраз Ломоносова, г. Ростиславич очень наивно восклицает: «Это вступление лучше всего знакомит со взглядом Ломоносова на русскую историю и на обязанности историка». Именно так! Прочтя это вступление, кто же захочет прочесть самую историю Ломоносова или упоминать имя ее автора, говоря об истории как о науке, а не как о риторическом панегирике россам!..

Но – делать нечего – скрепя сердце, посмотрим на дальнейшие исторические подвиги Ломоносова. Говоря о первобытных племенах славянских, Ломоносов заключает о их древности и величии по пространству, которое они занимали. «Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества славянского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение. Чрез покорение западных и южных словен в подданство чужой власти и приведение в магаметанство едва ли не последовал бы знатный урон сего племени перед прежним, – если бы приращенное могущество России с одной стороны оного умаления с избытком не наполнило. Того ради без сомнения заключить можно, что величество словенских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере»{22}. Видите ли, в чем дело! Для русских XVIII века много было радости в том, что славяне, около тысячи лет коснея в бесплодном для человечества существовании, все-таки, несмотря на то, пребывали в величестве! Индийцы, китайцы, японцы уж, конечно, гораздо древнее славян и своим существованием оставили в истории человечества более глубокий, нежели славяне, след; но что ж в этом пользы для них теперь, когда они превратились в какие-то нравственные окаменелости как будто допотопного мира? Для нас, русских, важна русская, а не словенская история; да и русская-то история становится важною не прежде, как с возвышения московского княжения, с которого для России наступило время уже исторического существования. Первый период русской истории до Ярослава совершенно неуловим для историка, то мелькая, то исчезая из его глаз в баснословном и мифическом сумраке. Непроходимая чаща удельного периода составляет только полуисторический период русской истории – период, в котором важна одна только сторона – распространение и расширение Руси на север, через удельную систему. Все это в русской истории может занимать не более, как две главы: первая будет состоять из малого числа фактов и с умеренностью и осторожностью употребленных ипотез и догадок, а вторая будет родом введения в русскую историю, которая начнется собственно с Иоанна Калиты (с 1328 года). До славян же нам нет дела, потому что они не сделали ничего такого, что дало бы им право на внимание науки и на основании чего наука могла бы видеть в их существовании факт истории человечества. Если славяне не были варварами, но, напротив, обладали цивилизацией, просвещением и образованием, – тем лучше для

них, а совсем не для нас, которым от этого ни холоднее, ни теплее, ни хуже, ни лучше. И если Байер и Шлецер были неправы, отзываясь о новгородских славянах, как о невежественных варварах, а Ломоносов был прав, приписывая им цивилизацию, просвещение и образованность, – пусть славянофилы уличают первых и оправдают последнего, пусть покажут они в памятниках письменности, законодательства, самого язычества, науки и искусства, как велики были цивилизация, просвещение и образованность новгородских славян. Но в таком случае пусть покажут и докажут все это не ради ложного патриотизма, который тут совершенно неуместен, но ради объективной истины предмета, которая всегда имеет свою относительную важность и достоинство. Пусть они в этом случае ополчатся на факты, а не на гипотезы, догадки и фантазии; пусть не хвалятся, как бог знает чем, мирскою сходкою, искони существовавшею у всех славянских племен и даже до наших дней сохранившеюся и в России, – пусть, говорим, не хвалятся ею, потому что она существовала и существует у индийцев и даже у обитателей Океании, оставаясь обычаем, из которого ничего не развивается для истории. А если б славянофилам и удалось уличить Байера и Шлецера и оправдать Ломоносова, если бы они и доказали, основываясь на фактах, что новгородские славяне были народ цивилизованный, просвещенный и образованный, – все-таки да остерегутся они хвалиться этим, как чем-то очень лестным для чести современной нам России, потому что, повторяем, эта цивилизация и образованность, это просвещение, если они – не мечта, делают честь новгородским славянам прежде-рюриковских времен, а не нам, – и из них (то есть из цивилизации, просвещения и образованности) не вышло ровно никаких следствий, потому что в период уделов и татарщины мы не видим ни цивилизации, ни просвещения, ни образованности. С Иоанна III развилась полувосточная цивилизация Московского царства; но просвещение и образованность все-таки появились только с царствования Петра Великого. Но, увы! Славянофилы тщетно вопиют нам о цивилизации, просвещении и образованности киевских и новгородских славян еще задолго до пришествия к последним варяго-русов: нет никаких следов этой цивилизации, этой образованности, этого просвещения! Что за просвещение без грамотности, а грамотности мы обязаны христианству, а христианство явилось у нас после Рюрика! И что унижительного для нынешней России, что предки ее – славяне были необразованы? Разве не варвары были галлы и все племена кельтские? Разве не варвары были племена тевтонские, положившие основание нынешних просвещенных европейских государств? Разве Европа до открытия Америки, изобретения книгопечатания и пороха не была страной варварскою? И неужели Европе наших времен должно стыдиться сознаться в этом? Какая нелепость! Из всех народов человечества древние греки были народом-аристократом, и тем не менее отцы их – пелазги были дикие варвары. Как будто бы происхождение может унижить человека или народ? Как будто бы каждый народ не бывает, в своем происхождении, диким варваром, – так же как будто бы каждый человек не рождается младенцем?.. Неужели все это – не аксиомы в глазах славянофилов? Неужели для них ново и странно, что дважды два – четыре, а не пять?.. Странные люди!..

Обратимся еще раз к Ломоносову; но, избегая длинных выписок, скажем просто, что г. Савельев-Ростиславич вместе с Ломоносовым в превеликом восторге от того, что славянское имя будто бы прославилось еще в начале VI столетия по Р. Х.; что вместе с другими варварами славяне способствовали разрушению Римской империи; и что, по свидетельству Птоломея, Сармацию одержали превеликие вендские народы, которые были не кто другие, как наши предки – славяне...{23} Положим, что все это и так; но чему же тут радоваться? Древность славян? – Но что она перед древностью китайцев? – молодость, просто молодость! Но если б славяне были древнее самих китайцев, что ж в этом? Современная нам китайская цивилизация смешна, уродлива, пошла; но как окаменелый памятник цивилизации, может быть, древнейшей, нежели цивилизация всех других исторических народов глубокой древности, она интересна, поучительна, достойна глубочайшего изучения. Что же осталось нам от древности славян, которые, положим, были уже страшными головорезами еще задолго до Птоломея? – ничего, ровно ничего! – Такая древность и не стоит ничего, – и юность Российской империи, существующей не более полутора столетия, в миллион раз лучше такой древности... Но что мы говорим! Какое тут сравнение, какая параллель! Разве можно сравнивать пустоту с содержанием, ничто со многим?..

Забавнее всего, что г. Савельев-Ростиславич, после выписки из Ломоносова, восклицает:

Итак, вот на чем хотел основать свою историческую критику Ломоносов. Сравнение тех времен с нынешними, естественное течение бытия человеческого, то есть естественность и логическая возможность событий, и наконец примеры прошедшего,

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
после чего и филология составляет уже «не бессильное доказательство», но только тогда, когда опирается на свидетельствование древних, согласно с истинными основаниями, извлекаемыми из рассмотрения времен уже чисто исторических, вполне известных. Какое безмерное расстояние от Байера (,) Миллера и самого Шлецера!{24}

Именно – безмерное! Байер, Миллер и Шлецер могли и ошибаться, но они всегда понимали сами, что говорили, и их всегда можно понимать, даже иногда и не соглашаясь с ними...

Следить шаг за шагом за мыслями, или, лучше сказать, за мечтами, г. Савельева-Ростиславича нет возможности: это и скучно и бесполезно. Сверх того, мы ведь и взялись не опровергать его (это не стоило бы труда), а только показать и обнаружить нелепость славянофильского направления в науке, – направления, не заслуживающего никакого внимания ни в ученом, ни в литературном отношении, но очень любопытного... в психологическом отношении... И потому будем указывать на особенно курьезные места в книге г. Савельева-Ростиславича.

Вот образчик ученого достоинства, литературной вежливости и гуманного образования г. Савельева-Ростиславича: разругав г. Полевого за то, что он в своем «Телеграфе» расхвалил сочинение г. Погодина «О происхождении Руси», и сказав, что г. Погодин, в благодарность за это, объявил г. Полевого человеком, не способным связать в порядке двух идей{25}, – г. Савельев-Ростиславич так продолжает говорить о г. Полевом: «Сметливый журналист, ради потехи почтеннейшей публики, особенно из недоучившихся купеческих сынков, придумал особое название квасного патриотизма и под(т)чевал им всех несогласных с рейнскими идеями, перенесенными целиком в «Историю русского народа»», и пр. (стр. LXXXV). Мы понимаем, что название квасного патриотизма, по известным причинам, должно крепко не нравиться г. Савельеву-Ростиславичу; но тем не менее остроумное название это, которого многие боятся пуще чумы, придумано не г. Полевым, а князем Вяземским, – и, по нашему мнению, изобрести название квасного патриотизма есть большая заслуга, нежели написать нелепую, хотя бы и ученую, книгу в 700 страниц. Мы помним, что г. Полевой, тогда еще не писавший квасных драм, комедий и водевилей, очень ловко и удачно умел пользоваться остроумным выражением князя Вяземского{26}, но совсем не против только противников шлецеровского учения о варяго-руссах, а против всех тех непризванных и самозванных патриотов, которые мнимым патриотизмом прикрывают свою ограниченность и свое невежество и восстают против всякого успеха мысли и знания. Со стороны г. Полевого это заслуга, которая делает ему честь. Но г. Полевой принял мнение Шлецера о скандинавском происхождении, – и ему уже никак не оправдаться перед неумоляемым к такому ужасному преступлению г. Савельевым-Ростиславичем. По мнению последнего, «История русского народа» не могла не быть дурною уже потому, что автор ее последовал Шлецеру, и г. Савельев-Ростиславич повторяет, кстати, плоскую, пошлую и старую остроу, что Нибуру умер от прочтения посвященной ему «Истории русского народа», – остроу, которая так идет к такой ученой книге, каков «Славянский сборник»... Но ведь и Карамзин преимущественно держался мнения Шлецера, хотя и дал место в своей истории другому мнению: отчего же г. Савельев-Ростиславич находит хорошие качества в «Истории государства Российского»? – На это у него есть достаточная причина: на страницах CCVIII и CCIX-й мы узнаём от него самого, что он, г. Савельев, «решился посвятить все способности (чьи?) разработкою (разработыванию?) отечественной истории, в память единственного нашего русского историографа, Николая Михайловича Карамзина, который прислал ему, новорожденному, бессмертный труд свой с надписью: маленькому тезке, может быть (,) также будущему историку...» Видите ли, что значит подарок вовремя и кстати: и Карамзина «История» сделалась бессмертною, несмотря на шлецеровские идеи, принятые ею за основание, и г. Савельев, маленький тезка великого писателя, сделался также историком... О великокутская наивность!..

Отделав г. Полевого, наш рыцарь Великого Кута принимается за г. Погодина. И поделом ему, г. Погодину: зачем он Шлецеру верит больше, чем гг. Венелину, Морошкину и Савельеву! Вот как он отделяет его, мимоходом не давая спуска и тезке своему Карамзину, несмотря на подарок:

фантастическо-ученое построение древней русской истории, наперекор Несторовой летописи. Некогда в «Московском вестнике» г-н Погодин писал об «Истории государства Российского»: «Карамзин велик как художник-живописец, хотя его картины часто похожи на картины того славного итальянца, который героев всех времен одевал в платье своего времени; хотя в его Олегах и Святославах мы видим часто Ахиллесов и Агамемнонов расиновских. Как критик, Карамзин только что мог

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru воспользоваться тем, что до него было сделано, особенно в древнейшей истории»: вот уж, право, излишняя снисходительность! Следовало сказать: Карамзин не умел воспользоваться открытиями Байера, что новгородцы суть кабардинцы, а бужане – татарские буджаки, или что Витичев на Днепре есть Витебск (на Двине); не умел воспользоваться и тем, что сделано для древнейшей истории Миллером, особенно касательно превращения царя Додона в скандинавского бога Одина, а Бовы-королевича в Бауса Оденовича; не умел воспользоваться и открытиями Струве, что Перун славянский именно есть скандинавский Тор; не умел воспользоваться и гипотезою Шлецера. что у нас на юге был особый азиатский народ, Rhos, неизвестная орда варваров, которые показались на западе и исчезли; шли с востока, но неизвестно откуда; названы россами, но неизвестно почему; прогнаны опять в свои пустыни не европейским просвещенным или храбростью, но случаем, только неизвестно куда; не умел воспользоваться гениальной мыслью рейнского патриотизма о внутреннем быте славян и значении русского славянского племени, забытого до IX века отцом человечества: не умел воспользоваться удивительно высокою мыслью об основании русского царства шайкою дерзких разбойников, жестоких шведских грабителей, призванных по неосторожности грубыми славянами в ландманы; не умел воспользоваться превосходными соображениями о том, как Елена перешла в католичество, потому что в Царь-граде все знакомые померли; наконец, следовало сказать: Карамзин не только не умел воспользоваться ни одною из этих ученых идей, но даже осмелился заметить, что Байер уважал сходство имен, недостойное замечание, и худо знал географию; что Миллер повторял датские сказки и что у Шлецера народы падают с неба и скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия... В самом деле, какой же ограниченный человек был Карамзин, не постигавший величия Байера, Миллера и Шлецера!.. Но послушаем Михаила Петровича: «Как философ, он имеет еще меньше достоинств, и ни на один философский вопрос не ответят мне из его «Истории». Апофегмы Карамзина в «Истории» суть большею частью общие места. Взгляд его на историю как науку неверный, и это ясно видно из предисловия». В чем состоит неверность взгляда Карамзина, несправедливость общих мест его «Истории» и какие философские вопросы занимали ум почтенного профессора, – любители истории не узнали, потому что и доньше еще не увидела свет божий обещанная профессором (1829) книга «Карамзин, собрание статей, относящихся до «Истории»». Вместо ее Михаил Петрович начал упражняться в стихах и прозе: от профессора истории, так строго осудившего славное творение историографа, все русские ждали доказательств; но вместо разбора Карамзина в 1830 году явилась «Марфа Посадница новгородская», трагедия в 5 действиях, в стихах. Почтенный профессор хотел испытать свои силы в историческом роде, а именно: когда бессмертная Екатерина ввела при дворе русский язык, то за каждое иностранное слово, употребленное в разговоре, определялось в виде наказания – выучить 100 стихов из «Тилемахиды»; в наше время, при славном внуке Екатерины Великой, русская народность опять воскресает; но если бы, для введения в общество русского языка, введено было подобное же наказание, то где современная «Тилемахида»? Почтенный профессор истории чувствовал этот важный недостаток и – удачно восполнил его знаменитою «Марфою Посадницею», написанною такими стихами, какие уже не показывались со времен «Тилемахиды» Василья Кирилловича. – В 1832 году вышли «Повести Михаила Погодина» (в 3 частях), написанные почтенным автором в дидактическом роде: ловкий и остроумный профессор истории хотел представить очевидное доказательство, что у кого нет ни слога, ни воображения, ни глубины мысли, тому не должно писать повести. Убедив себя и читателей в этой великой истине, он решился опять испытать свои силы в стихах а la Trediakowsky и с этою целию написал драму «Петр Великий», которая доньше остается ненапечатанною, хотя отрывки и явились было к русским читателям: почтенный профессор истории убедился наконец на опыте, что пародия на стихи и на шекспировское создание из жизни бессмертного императора была бы только оскорблением памяти великого человека, и потому, как русский патриот, обрек свою драму на вечное забвение. В благодарность за это русские почитатели г. Погодина уже терпеливо стали ждать появления давно обещанного исторического творения. В 1835 году они с радостью прочли объявление, что вышла «История в лицах о Димитрии Самозванце, сочинение М. Погодина», но почтенный профессор истории на этот раз вздумал пошутить: под именем «Истории в лицах» он попотчевал своих читателей опять драмой, только в прозе. Это сочинение, кажется, написано автором с благою целию – решительно и окончательно убедить всех своих друзей и почитателей в совершенной неспособности писать драму, даже в прозе. Успешно достигнув этой цели, почтенный автор принялся отделять «Историю», как философ. Пока издавался «Московский вестник», М. П. Погодин умел приобрести себе хорошую известность, как знаток русской и всеобщей истории, несколькими умными и дельными критическими заметками на разные исторические сочинения; участие, которое принимал в издании журнала Юрий Иванович Венелин, оказалось в самых

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
благотворных следствиях относительно развития мыслительности у Михаила Петровича. Но, по мере ослабления этого влияния, скандинавомания приобретала большую и большую силу над почтенным автором «Марфы» и «Истории в лицах», наконец возобладала им совершенно, и чем далее шел он, тем глубже погружался в тинистое болото диких мыслей и странных выражений. Все это, или почти это, было уже сказано о г. Погодине в странной брошюре: «Современные исторические труды в России: М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова...» и пр., о которой читатели наши могут справиться в 5-й книжке «Отечественных записок» нынешнего года, в отделе «Библиографической хроники», стр. 31–32{27}. Во всех этих нападках на г. Погодина есть своя доля правды; но они здесь неуместны и производят на читателя неприятное впечатление: читатель видит, что г. Погодина бранят совсем не за те факты, которые выставляют на вид, а за то, что он разделяет мнение Шлецера. Это возмутительно! Можно не соглашаться с мнением другого, можно и даже должно опровергать его; но кому бы то ни было ставить в преступление мнение об ученом предмете и преследовать за него ненавистью и ругательством, это ни на что не похоже! Отделав а la Attila (ведь Аттила был тоже славянин?) {28} всех байериан, миллериан и шлецериан, г. Савельев раздаст венцы мученичества, славы и величия всем историческим критикам в славянофильском духе, преимущественно нее – Венелину, г. Морошкину и самому себе, г. Савельеву-Ростиславичу!..

Мы не будем входить в разбор мнений г. Савельева о Венелине. Скажем только, что все странности этого странного человека г. Ростиславич безусловно принимает за несомненные истины и что он, столь строгий к Байеру и Шлецеру за их филологические натяжки, в филологической дыбе Венелина видит свободные и рациональные филологические выводы. Для него ясно, как день божий, что гунны были славяне, а Аттила – Телан, что франки были тоже славяне, и т. п. {29}. Всеми этому он так рад, всем этим он так горд, как будто бы и в самом деле для нас, русских XIX века, большая радость – кровное родство с варварами-гуннами и их Тамерланом – Аттилою, грозившим гибелью будущей европейской цивилизации!.. Что касается до нас, мы охотно признаем в Венелине, как в ученом, хорошие стороны. Это был один из тех умов замечательных, но парадоксальных, которые вечно обманываются в главном положении своей доктрины, но открывают иногда истины побочные, которых касаются мимоходом. Страстный к своему предмету, владевший огромною, хотя и специальною ученостью, исступленный славянин, Венелин, доказывая нелепость – славянизм большей части народов, игравших роль в Европе средних веков до крестовых походов, в то же время обогатил свои сочинения интересными побочными сближениями и выводами, может быть, действительно поубавил число народов, доказав, что один и тот же народ принимался за нескольких, потому что был известен под разными именами, и т. п. Немцы не будут благодарны Венелину за ославление немцев; но в том, что касается собственно славян, указания Венелина могли бы иметь свою цену и в глазах немцев, не знающих славянских наречий, если б только истинно ученая и беспристрастная рука отделила в сочинениях Венелина плевелы от зерен. Усердие Венелина к успехам просвещения болгар, доказанное не одними словами, но и делом, любовь и признательность, которые успел он возбудить в них к себе, дают о нем хорошее понятие, может быть, еще более как о человеке, нежели как об ученом. *Suum cuique!* [5] Но смотреть на Венелина, как на славянского Нибура, как на великого ученого, который оказал человечеству услугу не меньше услуги, например, Коперника, видеть в ультраславянстве что-нибудь другое, кроме болезненной односторонности, верить ему на слово, что гунны и франки – славяне, а Аттила – Телан, и т. п., – все это, воля ваша, не больше, как только смешно и жалко! Есть же, наконец, вещи, о которых нельзя говорить серьезно, не рискуя сделаться посмешищем в глазах людей с здравым смыслом.

Что касается до г. Морошкина, нельзя не отдать ему справедливости, как профессору, который любит свой предмет, говорит о нем с знанием дела, с жаром и увлекательностью убеждения. Но ведь он читает историю русского права, а не русскую историю, – и мы, право, не знаем, каким образом увлекся он пустым и бесплодным вопросом о происхождении Руси. По крайней мере он решает его столько же забавно, как и утвердительно. По его мнению, слово Русь происходит от роци, прута, розги или лозы (Roscia, Pruthenia, Ruthe, Rosgi), другими словами, Россия значит древянская или лесная земля, роща, лес. Тут у него играет роль даже жезл, сиречь палка, трость, батог (по-малороссийски кий) и т. д. Все это филологическое производство утверждено на глаголе расти. Скиф (чужак, по Венелину), по мнению г. Морошкина, значит лесной житель, урман (отсюда норманн), напоминающий аримана, значит лес; будин значит то же, что скиф (лесной житель); алан значит с лесом равный; роксоланы значит то же, что аланы, а благороднейшая

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
отрасль роксолан суть рязанцы, а все эти имена значат то же, что россы... Далее,
Г. Морошкин находит Поволжскую или Туркестанскую Россию.

«Я верю, – говорит он, – арабским географам и не боюсь, когда они меня, истого славянина и русса, назовут турком: я точно турок, ибо я русс; турок есть также русс, как и я: ибо он славянин». Довольно! Охотников до курьезных вещей отсылаем к книге Г. Морошкина: «О значении имени руссов и славян» (Москва, 1840), а если они испугаются целой книги, то к рецензии об этой книге в 63 номере «Литературной газеты» 1841 года{30}. Очевидно, Г. Морошкин пошел гораздо далее самого Венелина; и если нельзя сказать, чтоб, подобно Венелину, он мимоходом и стороною, сделал что-нибудь для знания, – зато нельзя сказать, чтоб он не довел до последней крайности его странностей. Но тем выше заслуга Г. Морошкина в глазах Г. Савельева-Ростиславича, который иногда позволяет себе не во всем соглашаться с Венелиным, но Г-на Морошкина во всем находит непогрешительным, как турки (они же и славяне) своего пророка. Вот истинная-то стачка гениев!..

Но нельзя без слез умиления читать полное и подробное изложение собственных ученых подвигов, которому Г. Савельев-Ростиславич посвятил целых двадцать страниц. Боже мой, какая скромность и вместе с тем какое глубокое, какое твердое сознание своих заслуг, своего достоинства! Кто возьмет терпение прочесть эти двадцать страниц, тот вполне поймет, каким образом Бюффон имел смелость говорить, не краснея: «Гениев три: Лейбниц, Ньютон и я!»{31}. Хотя Г. Савельев-Ростиславич и не выговаривает прямо, что на Руси не было гениев выше трех – Венелина, Морошкина и, в особенности, его, Г. Савельева-Ростиславича, – однако это само собою выходит из сущности всей его толстой книги, которая, кажется, для того больше и была написана. Г-н Савельев-Ростиславич поместил в ней свою автобиографию и начал ее с самого нежного своего детства – мало! – просто с самого дня своего рождения, когда великий тезка его, Карамзин, прислал свою «Историю» родителю новорожденного, – что и решило последнего посвятить себя обработанию (обработыванию?) русской истории (стр. ССVIII–ССIX). «Отсюда (прибавляет скромный автобиограф) объясняется критическое направление первых трудов автора этой книги» (стр. ССIX). Уведомление, драгоценное для потомства, которое поэтому избавлено от труда разыскивать, писать диссертации, толстые книги, спорить, браниться, стараясь решить великий вопрос: чем объяснить критическое направление первых трудов Г. Савельева-Ростиславича!.. От дня своего рождения Г. Савельев-Ростиславич ведет нас с собою уже прямо в университет; жаль! через это лишились мы драгоценных фактов о его младенчестве и отрочестве... С удивительною снисходительностью и добротою, столь свойственными гению, знакомит нас Г. Савельев-Ростиславич с подробностями своего университетского курса: каких профессоров он особенно уважал и с особенным вниманием слушал и кто именно из них особенно способствовал развитию в нем, Г. Савельеве-Ростиславиче, мыслительности, плодом которой был его «Славянский сборник». Затем переходит он к разбору своих сочинений, и хотя многие из них, за давностью и за негодностью, давно уже забыты, тем не менее он имеет терпение приводить и опровергать все суждения о них журналов... До чего не доводит людей сочинительское самолюбие!.. Мимоходом сыплются у него брани и ругательства на Гг. Полевого, Устрялова, Погодина и других шлещериан, которые, не боясь бога и совести, не радея о чести и славе отечества, преступно и злоумышленно унижают Россию, выводя варяго-руссос из Скандинавии... Велико их преступление – нельзя не согласиться; но зато и казнит же их наш великокутский инквизитор!.. Правду говорят моралисты, что добродетель всегда торжествует, а порок наказывается, – да, всегда и везде, но особенно в «Славянском сборнике» Г. Савельева-Ростиславича... Гг... Полевой, Устрялов и Погодин – живые доказательства, что преступление не остается без кары; зато Г. Савельев-Ростиславич – живое доказательство, что добродетель награждается. Обе эти истины он развил с удивительною тщательностью, особенно последнюю: какой-то Г. Игнатович отозвался о его «Истории Северо-Восточной Европы и мнимого переселения народов», что «немного найдется произведений ума положительного не только в русской, но и в европейской литературе, соединяющих в себе такую бездну учености с живым, почти изящным и вместе строго отчетливым изложением», и что «теория об азиатском и немецком происхождении всех без изъятия воинственных дружин, разрушивших Западную Римскую историю (империю?), так сильно потрясена разысканиями Н. В. Савельева, что еще один толчок – и она рухнет безвозвратно» (стр. ССXIX){32}. Но справедливо говорится, что нет розы без шипов, то есть что и добродетель иногда страдает: тут же приложено мнение и Г. Полевого об этом гениальном сочинении ученого Г. Савельева-Ростиславича, – мнение, которое обвиняет последнего, что он «хвалил бредни Венелина, разглагольствия Шафарика, возгласы других славянофилов, переделывал всеобщую историю и спорил об Аттиле», – вслед за тем Г. Полевой воскликнул: «Как не жаль ему (Г. Савельеву) тратить

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
время, труд и дарование на такой вздор»{33}. Но г. Савельев-Ростиславич, как истинный гений, не струсил этого приговора, с которым согласны все здравомыслящие люди, и подарил его гордым презрением, которое выразил курсивом, восклицательными и вопросительными знаками в скобках. Да и странно было бы огорчиться г. Савельеву-Ростиславичу приговором г. Полевого, когда через страницу он мог привести мнение одного знатока истории о своей статье «Падение Пскова», что это – «живой отголосок простодушных летописцев наших, в изящной форме нашего времени, произведение, которое принесло бы честь самому Тьерри, если б он писал по-русски». Г-н Савельев-Ростиславич почему-то не почел за нужное сказать, кто этот знаток истории, который произвел его в русского Тьерри; но из выписки видно, что слова эти были напечатаны в «Маяке»: {34} Sic transit gloria mundi!.. [6] Но ничего! г. Савельев-Ростиславич – человек не брезгливый на похвалы, из какой бы ямы ни шли они к нему... За них он сейчас же готов произвести в «знатоки истории» даже человека, который совершенно невинен в знании истории и которому совершенно бесполезно знание и того, что он действительно знает...

Одной только похвалы себе не решился повторить скромный г. Савельев-Ростиславич: это гимн, который накропал в честь его, Венелина, Аттилы и г. Морошкина какой-то московский виршеплет и который начинается так:

Напрасно все: ваш понят труд
И оценен великий гений!
Все толки мелочных суждений
Уж никогда не потрясут
Глубоких ваших умозрений!
а оканчивается так:

Хвала тебе, Венелин славный!
Ура! Морошкин-славянин!
Савельев, Руси православной
Неутомимый, верный сын!
Нет, ваша слава не затмится,
Ваш труд великий не умрет;
Им правда всюду водворится
И плод обильный принесет! {35}
Вот мы как! Ай-да наши! Молодцы!.. Но, боже мой, что с нами! Кажется, и мы
впадаем в маяковский тон... Вот что значит чтение славянофильских книг...

«Библиотека для чтения» когда-то, по случаю спора между гг. Погодиным и Скромненко (Строевым), советовала новой исторической школе сразиться насмерть с шлецеровскою школою, чтоб окончательно порешить, которая из них права. «Но для этого трудного, важного, великого предприятия (сказано там же) юная историческая школа, кажется, еще слишком юна. Желаем ей расти не по дням, а по часам: ее будущность занимает всех любителей отечественной истории» {36}.

Г-н Савельев отвечает на это:

«Прошло десять лет, и вот юная историческая школа представляет шлецериянам уже не брошюрку, не статью, а целый том в семьсот страниц (,) с 1500 примечаний – основной вопрос решен на жизнь и смерть».

Как вам это покажется? А это не выдуманно нами: это напечатано на ССХХVII странице «Славянского сборника» и списано здесь с возможною точностию!

Но, во-первых, с чего взял г. Савельев-Ростиславич, что слова «Библиотеки для чтения» относятся к нему? Тут явно говорится об исторической школе, основанной Каченовским, человеком умным, ученым, здравомыслящим, осторожным и уж совсем не славянофилом. Разве ученик его, г. Сергей Строев, говорил когда-нибудь и что-нибудь похожее на то, что утверждает г. Ростиславич, ученик и вместе соперник Венелина и г. Морошкина?.. Том в семьсот страниц – великая важность! Считите-ко число страниц в томах Тредьяковского – и ваша книга в семьсот страниц исчезнет в них, как ручеек в море. С 1500 примечаний – из которых, следовало бы прибавить, большая часть состоит или из площадной брани на шлецериян, или из указаний на страницы «Русского вестника», «Сына отечества», «Маяка», «Москвитянина» и других журналов!.. «Основной вопрос решен на жизнь и смерть» – верх хвастливого самовосхваления! Нет, г. Савельев-Ростиславич, вы слишком скоры: подождите, пока противники ваши создаются побежденными и примут ваше мнение. Так побеждать, как побеждаете вы, очень легко и очень смешно: ведь

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
китайский богдыхан считает же себя царем царей и, платя за английские товары китайскими товарами и китайским золотом, говорит же в своих манифестах, что рыжие варвары приносят ему с Запада дань, в изъявление их покорности владыке Небесной империи... Берегитесь, господа, оболещений своего кружка: в нем как раз уверят вас, что вы гений и что вы победили всех ваших противников, которые даже и не думали с вами бороться, а просто или смеялись над вами, или не обращали на ваше ратование никакого внимания. Кружок – вещь опасная: он может довести человека до жалкого донкихотства. Кружок и свет – две вещи разные; первый признаёт за достоверное, доказанное и несомненное то, над чем часто смеется второй, как над нелепостью. Живите в кружке, который вам нравится, – но заглядывайте и в свет, прислушивайтесь и к его суждениям, чтоб не впасть сперва в односторонность и исключительность, а потом и просто в нелепость. Исключительное и безвыходное пребывание в себе, или в приятельском кружке, или в приходе своего журнала – гибельно для человека. Ограничение себя одним и тем же, отчуждение от всего, что не мы и не наше, гибельно не только для частных лиц, но и для народов: вспомните Китай и Японию!

Мы не отнимаем у г. Савельева того, что принадлежит ему по праву: начитанности, эрудиции, трудолюбия, знания, даже дарования в известной степени; он владеет языком, и если б захотел держаться более приличного и спокойного тона, писал бы если не изящно, то литературно. Не будучи не только Тьерри, но и десятою долею Тьерри, г. Савельев мог бы сделаться полезным деятелем в сфере нашей исторической литературы и нашей исторической критики. Статьи г. Савельева: «Димитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы»; «Падение Пскова»; «Царь Василий Шуйский»; «Критика на русскую историю г. Устрялова» (в номерах 29, 30 и 31 «Литературных прибавлений к «Русскому инвалиду»«1837); «О необходимости критического издания истории Карамзина»{37}, – все эти статьи не без достоинств, хотя и не без недостатков, словом – сочинения хорошие, полезные, хотя и не великие, не гениальные. И вообще, не мешало бы г. Савельеву не делать самому себе приговоров, но ожидать их от других, и если он не пугается осуждения, то не следовало бы ему на слово верить похвалам и повторять их в своей книге, как великие истины, говоря о себе как бог знает о ком и величая себя то юным критиком, то автором «Донского»... Только вышедшее из всяких границ ослепление мелкого самолюбия могло заставить г. Савельева повторить отзывы г. Полевого о его двух статьях, как такие отзывы, которые стоит только повторить, чтоб показать всю их неосновательность и нелепость. А между тем эти отзывы очень основательны и, главное, совершенно беспристрастны. Вот слова г. Полевого:

Мы готовы отдать справедливость труду, если б и видели в нем что-нибудь против нас самих и против трудов наших[7]. Вот, например, мы с удовольствием упомянем о небольшой полемической брошюрке г. Савельева: «Димитрий Иоаннович Донской». Он не соглашается с нами, даже бранит нас, но в изысканиях своих показывает тщательность, усердие, начитанность – мы в стороне, а труду автора почет, если б нам вздумалось даже и поспорить с ним{38}.
О статье г. Савельева «О необходимости критического падения истории Карамзина» г. Полевой отозвался так:

Это разыскание – статья дельная, и мы порадовались, что, брося свои прежние вздорные толки об истории, г. Савельев принимается за дельные занятия{39}. Первый отзыв г. Полевого должен бы быть для г. Савельева лестнее всякого другого мнения, потому что в брошюре о «Донском» он опровергает, не всегда вежливо и в тоне приличия, мнения г. Полевого; но г. Савельеву, видно, не суждено знать ни того, что ему делает истинную честь, ни того, чем бы он мог заняться с пользою для себя и для науки и на что бы он мог небесполезно употребить свои способности и свое трудолюбие: он больше верит возгласам и уверениям мнимых друзей своих, для расчетливости которых очень полезно производить его в Тьерри и величать гением в нелепых и плохих стишонках.

Не следовало бы также г. Савельеву братья не за свое дело и толковать о вопросах всеобщей истории, которой он – извините нашу откровенность – вовсе не понимает, что и доказал он огромными статьями. Равным образом, хорошо бы он сделал, если б, для пользы русской истории и еще больше для своей собственной, оставил в покое славян, болгар, гуннов, франков, варяго-русов, Великий Кут, Байера, Миллера и Шлецера и обратил свою деятельность исключительно на те вопросы русской истории, которые доступны критике и разысканиям и которые так давно и так тщетно дожидаются деятелей. Поле великое и едва-едва тронутое, – сколько пищи для деятельности, сколько пользы для труда, сколько славы для успеха! Но еще более следовало бы г. Савельеву постараться посвятить себя науке

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
настоящим образом, сделаться ученым в истинном значении этого слова, то есть научиться находить в науке один интерес – объективную истину предмета, не примешивая к нему никаких посторонних интересов, ни местных, ни космополитических, ни славянских, ни тевтонских, ни русских, ни немецких. Вне объективной истины предмета нет науки, нет учености, нет ученых, а есть только ученые мечты, фантазии, мечтатели и фантазеры. Ученый должен быть рыцарем истины, а не сектантом, не гернгутером{40}, не раскольником. Фанатизм и мистицизм – враги науки, потому что они – тьма, а наука – свет. Язык науки может принимать полемический тон, но наука не должна ругаться, соблюдая свое достоинство. В ученых сочинениях и остроумие – не лишняя вещь; но ведь не всякому дана способность быть остроумным, и г. Савельев, надо сказать правду, острил тяжело, неловко, едва ли еще не хуже, чем острил покойный Венелин, варяжскому остроумию которого так удивляется сочинитель «Славянского сборника». Но больше всего надо беречься в науке мистицизма, потому что он доводит до величайших нелепостей, что и сбывается так жалко и смешно над г. Савельевым, который до того дошел, что, на основании свидетельства Льва Диакона, верит, будто Ахилл (герой «Илиады») был не эллин, а скиф, следовательно, славянин!.. (стр. 75){41}. Боже мои! Ахилл, героический представитель эллинского духа, герой величайшей национальной поэмы величайшего национального поэта Эллады, лицо баснословное, облик чисто мифический, – скиф, славянин, и это на основании свидетельства Льва Диакона, который жил две тысячи лет после Ахилла!.. О нелепость нелепостей! Мистицизм, внесенный в науку, заставляет признавать бывшим и сущим то, чего не было и нет; белое представляет черным, черное белым; полярную зиму превращает в африканское лето; в экваториальных странах находит мертвые замерзшие тундры, а под полюсами видит роскошную природу Индии; помножив два на два, получает в произведении пять и семь восьмых... Мы не шутим: за примерами ходить недалеко, и книга г. Савельева в этом отношении истинный клад. Она утверждает, что славяне оказали великую услугу человечеству, боровшись с Римом и избавив Европу от оков римского деспотизма!.. (стр. ССXXXVIII){42}. Во-первых, только для г. Савельева решенное дело, что варвары, разрушившие Западную Римскую империю, были славяне, а не тевтоны; во-вторых, кто бы они ни были, за эту услугу мы не намерены им кланяться, потому что они и не думали освобождать Европу от римского деспотизма, а просто грабили, резали, жгли, брали в плен, убивали и злодействовали из корысти, для себя самих, вовсе не думая о будущем разоряемых ими земель. Потом г. Савельев приписывает славянам честь обновления Запада свежей, неистощенной жизнью: это просто-напросто значит, что немцы – славяне и что немцев в Европе никогда и не бывало, – все это были славяне!.. Но что все эти странности в сравнении с словами г. Морощкина, которыми г. Савельев заключает свою статью! Слушайте:

Племя славянское живет будущностию, надеждою, что вновь восстанет великий царь Волги (??!!..) и воззовет их к единому великому знамени, к знамени не разрушения, а общего успокоения в недрах семейственного христианского быта, который, кажется, предоставлено развить славянским народам. Царство мира и любви имеет семейственную форму, данную от природы и духа, а не изысканную, не созданную преходящими веками истории (стало быть, преходящие века истории – не от природы и духа. а так себе, ни от чего?..). Когда настанет суд истории, тевтонский мир отдаст славянам все, что взято (что именно взято и кем – желательно бы знать? Но, кажется, этого и сам прорицатель не ведает...) у них. Не своими козарскими саблями славянский мир грозит тевтонам, а славянской цивилизацией, первородными формами человеческого быта (да помилуйте! калмыки давно уже обретаются и еще в более чистых, нежели славяне, первородных формах), грозит ему преемничеством (хорошо, если б и причастностию его жизни!), званием наследника во всемирной истории (стр. ССXXXIX){43}.

Вы удивляетесь, читатель; но то ли еще пишут и печатают господа славянофилы! Вот, например, один из них недавно напечатал в журнале следующие неслыханные новости, а именно, что «у нас не было ненависти и гордости», которые были в истории Запада, и что наша «родимая почва была упитана не кровию – кровию упитана западная земля, – но слезами наших предков, перетерпевших и варягов, и татар, и литву, и жестокости Иоанна Грозного (человека бескровного!), и нашествие два-десяти языков, и наваждение легиона духов»{44}. Последняя фраза – верх мистической бессмыслицы, непонятна; но остальное в этих словах все понятно: дело, извольте видеть, в том, что битва при Калке, битва Донская, нашествие литвы, наконец вторжение в Россию полчищ сына судьбы не стоили нам ни капли крови, и мы отделались от них одними слезами; мы не дрались, а только плакали!..

Не будем разбирать других статей «Славянского сборника» – они не стоят этого

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
труда; их можно читать для забавы, для потехи, но серьезно рассуждать о них было бы и бесполезно и смешно{45}. Говоря о первой статье г. Савельева, мы имели в виду не «Славянский сборник», не сочинения г. Савельева, а славянофильскую доктрину, которой г. Савельев является таким горячим и наивным представителем. Его «Славянский сборник», в 700 страниц, с 1500 примечаний, только в этом отношении и замечателен; во всех же других отношениях это книга пустая, ничтожная.

В заключение советуем г. Савельеву воспользоваться, не на словах, а на деле, полезным советом, заключающимся в китайском выражении из Сан Цзы-цзына, которым он достойно заключил свою статью:

«Кто читает историю, должен исследовать бытописания; проникнет (проникнуть?) древнее и настоящее, как бы собственными очами. Устами читай, мыслю вникай»{46}.

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1960.

БАН – Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Добролюбов – Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 1–9. М. – Л., 1961–1964.

Киреевский – Полн. собр. соч. И. В. Киреевского в двух томах под редакцией М. Гершензона. М., 1911.

КССБ – В. Г. Белинский. Соч., ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Ломоносов – М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 1–10. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1950–1959.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПССБ – Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч., т. I–XVI. М., Изд-во АН СССР, 1937–1949.

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Славянский сборник Н. В. Савельева–Ростиславича

Впервые – «Отечественные записки», 1845, т. XLI, № 8, отд. V «Критика», с. 23–48 (ц. р. 30 июля; вып. в свет 9 августа). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. IX, с. 391–439.

Н. В. Савельев–Ростиславич – историк, воспитанник Московского университета, ученик Ф. Л. Морошкина и последователь Ю. И. Венелина.

В 1840 г. близко стоял к кругу сотрудников петербургского журнала «Маяк», отстаивавших реакционные принципы «официальной народности». Его «Славянский сборник» посвящен критике и разоблачению «норманнской теории» происхождения Руси. Как и Венелин и Морошкин, Савельев-Ростиславич был склонен к различным фантастическим гипотезам, касавшимся древнейшего периода славянской истории (в частности – к предположению о славянском происхождении гуннов и т. п.). Эти предположения основывались на искусственных этимологиях этнических и географических названий и т. п. (см. о нем: А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, с. 362–372).

Эта резко полемическая, нередко переходящая в памфлетную характеристику славянофилов статья ближе всего тематически связана со статьей «<Россия до Петра Великого>» (наст. изд., т. 4). Как и там, Белинский особо важное значение придает новому периоду русской истории, начиная с петровских реформ, открывших путь процессу европеизации России. Именно вступление на этот путь создает, по Белинскому, необходимые условия для успешного и ускоренного развития России, для раскрытия всех исторических возможностей, заложенных в русском народе, его национальных сил.

Придерживаясь некоторых положений, выдвинутых в свое время профессором Московского университета М. Т. Каченовским, основателем «скептической школы» в русской историографии, Белинский считает споры норманистов и антинорманистов в значительной степени не заслуживающими особого внимания. Подвергая здесь критике и осмеянию прежде всего приемы искусственной историко-археологической интерпретации древнейших сведений о Руси и славянах в работах Венелина, Морошкина и Савельева-Ростиславича, Белинский вместе с тем не совсем правомерно обращает свою статью против славянофильства как направления общественной мысли в России 1840-х гг. в целом. С этим направлением ученые типа Морошкина и Савельева-Ростиславича только соприкасались, но не сливались.

Сноски

1

заранее (лат.). – Ред.

2

так! (лат.). – Ред.

3

исповедании веры (фр.). – Ред.

4

мнимо (лат.). – Ред.

5

Всякому свое! (лат.). – Ред.

6

Так проходит мирская слава! (лат.). – Ред.

7

Здесь г. Савельев делает в скобках замечание, пересыпанное всем аттицизмом великокутской соли: «Все несчастное, эгоистическое Я, а где же истина-то? об ней-то, бедняжке, и помину совсем нет!»

Комментарии

1

О Матерях-богинях, от которых зависит вновь вызвать в мир Париса и Елену, говорит Мефистофель Фаусту в ч. II трагедии (д. I, эпизод 4). См. об этой сцене подробно в статье «Идея искусства» (наст. изд., т. 3, с. 292–293) и в статье второй о народной поэзии (т. 4, с. 146–147). Этот эпизод в «Фаусте» Белинский высоко ценил (см. письмо к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г.). Интерпретация этого эпизода во второй статье о народной поэзии послужила предметом нападения со стороны «Северной пчелы» (см. об этом «Литературные и журнальные заметки» (февраль 1843 г.) – наст. изд., т. 5, с. 412).

2

Прототип педанта. – Здесь это также и прямой намек на С. П. Шевырева (см. памфлет «Педант» в т. 4 наст. изд. и примеч. к нему). Об изобретении русских гекзаметров и октав см. примеч. 18 и 19 к статье «Опыт истории русской литературы... А. Никитенко».

3

Цитата из гл. IX тома I «Мертвых душ» с небольшими отступлениями от текста.

4

Аллах керим (араб.) – боже милостивый.

5

Курсив в цитате принадлежит Белинскому.

6

Имеется в виду «Русская история» Н. Г. Устрялова (т. I–V, СПб., 1837–1842), являвшаяся тогда официально принятым учебником.

7

Об этом Г.-З. Байер писал в статье «De Varagis» («О варягах») в изд.: «Commentarii Academiae imperialis Scientiarum Petropolitanae» («Комментарии Петербургской академии наук»), IV, 1735.

8

Ломоносов опровергал и «изобличал» Байера в возражениях на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа русского». См., например: «Последуя своей фантазии, Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч.» (Ломоносов, т. 6, с. 30).

9

Великий Кут – у Н. В. Савельева-Ростиславича славянизированное обозначение территории южного побережья Балтийского моря между устьями Эльбы и Одера – места происхождения (по Ф. Л. Морошкину) варяго-русов от балтийско-поморских славян; Белинский обыгрывает это искусственное наименование. Ср. ниже «великокутский» в

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
смысле: «славянский», «излюбленный славянофилами».

10

Т. Н. Грановский защищал в Московском университете магистерскую диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета» 21 февраля 1845 г. Защита, которой противились славянофилы, прошла с торжеством для Грановского (см. об этом: Герцен, т. II, с. 406), Статья Грановского «Волин, Иомсбург и Винета» была опубликована в «Сборнике исторических и статистических сведений о России», т. I. М., 1845.

11

Имеется в виду мнение И.-Ф.-Г. Эверса о хазарском происхождении руссов. См. его сочинение «Geschichte der Russen» («История руссов», 1816).

12

См. примеч. 4 к статье «Русская литература в 1844 году».

13

Мысли о семейно-племенном начале в жизни древней Руси, о быстром слиянии князей-варягов и их дружины со славянским исконным населением развивались К. Д. Кавелиным. Кавелин общался с Белинским в период подготовки магистерской диссертации в 1842–1843 гг. и позднее.

14

Опечатка журнального текста, перешедшая и в последующие издания. Вероятно, имеется в виду немецкий востоковед К.-Ф. Нейман, в частности писавший и о народах, населявших юг России.

15

Ср. работу М. Т. Каченовского «О баснословном времени в российской истории» («Ученые записки императорского Московского университета», 1833, т. I, № 2–3).

16

Кельтический – устаревшая форма со значением: «кельтский, относящийся к кельтам».

17

Имеется в виду главный труд немецкого историка, члена Петербургской академии наук А.-Л. Шлецера – «Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке», сличенные, переведенные и объясненные» (т. 1–5, Геттинген, 1802–1809; русск. изд., ч. 1–3, СПб., 1809–1819).

18

Курсив, а также замечания и знаки вопросительные и восклицательные в скобках в этой и последующих цитатах из Савельева принадлежат Белинскому.

19

Не вполне точная цитата из отзыва Ломоносова (1764) о «Русской грамматике» А.-Л. Шлецера (см.: Ломоносов, т. 9, с. 427). В тексте Ломоносова: «наколобродит».

20

Цитаты из представления Ломоносова президенту Академии наук о неправильных действиях Г.-Ф. Миллера и И.-К. Тауберта (январь 1761 г.) см.: Ломоносов, т. 10, с. 232–233. В цитатах – некоторые отличия от текста представления; здесь и далее курсив и замечания в скобках принадлежат Белинскому.

21

Цитата из вступления к «Древней российской истории» (см.: Ломоносов, т. 6, с. 170).

22

Цитата из гл. 2 ч. I «Древней российской истории» М. В. Ломоносова (ср.: Ломоносов, т. 6, с. 175–176). В тексте Ломоносова вместо «с одной стороны» – «с другой стороны».

23

Ср.: Ломоносов, т. 6, с. 176.

24

Курсив и знаки препинания в скобках здесь и далее в цитатах из Савельева–Ростиславича принадлежат Белинскому.

25

Похвалы сочинению М. П. Погодина «О происхождении Руси» (М., 1825) содержались в «Истории русского народа» Н. А. Полевого (т. I, М., 1829, с. 57). Погодин называл «Историю» Полевого «безобразною компиляцией» и сожалел, что «дельная наша историческая литература обезображивается таким чудовищем» («Московский вестник», 1830, № 2, с. 165 и 190).

26

Выражение «квасной патриотизм» было пущено в ход П. А. Вяземским в «Письме из Парижа к С. Д. Полторацкому» («Московский телеграф», 1827, ч. XV, с. 232; подпись: Г. Р. К.) Сам Н. А. Полевой охотно употреблял это ироническое выражение во время издания «Московского телеграфа». Ср. его слова из «Разговора между сочинителем «Былей и небылиц» и читателем»: «Кто читал, что писано мною доньше, тот, конечно, скажет вам, что квасного патриотизма я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю, и еще более – позвольте прибавить к этому – Русь меня знает и любит... Писанное мною подтверждает одно то, что я враг квасного патриотизма» (Н. А. Полевой. Клятва при гробе господнем. М., 1832, с. X–XI). Позднее, после закрытия царским правительством его журнала, Полевой неоднократно выступал с казенно-патриотическими произведениями («Иголкин, купец Новгородский», «Параша-сибирячка» и под.).

27

Полное название «странной брошюры»: «Современные исторические труды в России: М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полевого, Ф. В. Булгарина, Ф. Л. Морошкина, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельтмана, В. В. Игнатовича, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова. Письма А. В. Александрова к издателю «Маяка». СПб., 1845. Автор брошюры сотрудничал в «Маяке», помещая там статьи на исторические темы, главным образом о происхождении Руси. Рецензию на брошюру см.: Белинский, АН СССР, т. IX, с. 62–65.

28

См. примеч. 8 к статье о «Тарантасе» В. А. Соллогуба.

29

Имеются в виду утверждения Ю. И. Венелина о том, что Аттила – испорченное в передаче греческих источников славянское имя. «У болгар в VIII столетии был король Телец, а в XI – князь... Телан или Делан (Ю. Венелин. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к россиянам, т. I. М., 1829, с. 94).

30

Несколько измененная цитата из указанного в тексте сочинения Ф. Л. Морошкина (с. 272; в оригинале вместо «истого» – κατ' ἐξοχήν). (греч. по преимуществу)», а после слов «славянина и русса» следует: «уроженца верхней Волги». Статья Морошкина, как следует из его предисловия, не была принята в сборник Московского общества истории и древностей российских, и автор издал ее отдельной брошюрой, но с сохранением пагинации набора сборника. Рецензия на книжку в «Литературной газете» принадлежала П. Н. Кудрявцеву.

31

Белинский, видимо, по памяти передает место из записок Эро де Сешеля о его поездке к Бюффону в Монбар. Ср. в переводе Н. М. Карамзина: «Всего более советовал мне Бюффон читать творения великих гениев. «Их не много, сказал он: только пять: Невтон, Бакон, Лейбниц, Монтескью и я» («Пантеон иностранной словесности», кн. I. М., 1798, с. 112).

32

Этот отзыв принадлежал В. В. Игнатовичу и был напечатан в журнале «Маяк» (1844, т. XIII, гл. IV, с. 129–136; «Письмо из Гродно И. П. Боричевскому»). Белинский цитирует его по тексту «Славянского сборника» Н. В. Савельева-Ростиславича. Курсив и вставка слова в скобках принадлежат Белинскому.

33

Н. А. Полевой писал это в «Русском вестнике» (1842, № 2, отд. IV, с. 39).

34

Указанное мнение было высказано А. В. Александровым в журнале «Маяк» (1845, т. XX, гл. IV, с. 91) и повторено в упомянутой выше его брошюре (см. примеч. 27).

35

Цитаты из стихотворения некоего Утиса «Ф. Л. Морошкину и П. В. Савельеву», впервые опубликованного в журнале «Маяк» (1844, т. XVI), а затем перепечатанного в брошюре А. В. Александрова (см. примеч. 27). Курсив Белинского.

36

Ср.: «Библиотека для чтения», 1835, т. X, отд. VI, с. 21.

37

Славянский сборник. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
«Димитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы» вышел отдельной брошюрой (М., 1837); «О необходимости критического издания истории Карамзина» – «Сын отечества», 1842, кн. 1.

38

Цитата из «Очерка русской литературы за 1838 год» Н. А. Полевого («Сын отечества», 1838, т. I, «Критика»); Белинский цитирует Полевого по книге Савельева, где этот отзыв приведен.

39

Белинский здесь не вполне точно цитирует отзыв Н. А. Полевого на кн. I журнала «Сын отечества» за 1842 г., в которой была опубликована эта статья II. В. Савельева («Русский вестник», 1842, № 2, «Смесь», с. 40).

40

Гернгутеры – члены религиозной общины, первоначально основанной (по образцу так называемого «моравского братства») графом Цинцендорфом в построенном им местечке Гернгут (отсюда название секты) в Саксонии в 1720-х гг.; позднее движение распространялось и на другие места Германии, а также в Прибалтике.

41

Ср. у Савельева–Ростиславича: «Ахилл, по ясному свидетельству древних, был не грек, но скиф, наш соотечественник. Вот подлинное слово Льва Диякона (кн. IX, гл. 6): «Арриан в своем «Перипле» («Объезд Эвксинского моря». – Ю. С.) говорит, что Ахилл, сын Пелея, был родом скиф и родился в Мирмекноне, небольшом городке на берегу Азовского моря».

42

Ср. у Савельева–Ростиславича: «Мир славянский, боровшийся с Римом и избавивший Европу от оков римского деспотизма».

43

По книге Савельева–Ростиславича цитируются «Историко-критические исследования о руссах и славянах» Ф. Л. Морошкина (СПб., 1842, с. 118–119). Курсив слов: «славянскою цивилизациею» – Савельева, весь остальной, знаки вопросительные и восклицательные, а также замечания в скобках принадлежат Белинскому.

44

Цитаты из статьи М. П. Погодина «За русскую старину» («Москвитянин», 1845, ч. II, № 3, отд. VII «Смесь», с. 28–29). Курсив и замечания в скобках принадлежат Белинскому; в первой цитате небольшое отклонение от текста «Москвитянина» (там: «У нас не было ненависти, не было гордости»). Статья Погодина была полемически направлена против статьи Е. Ф. Корша «Бретань и ее жители» («Московские ведомости», 1845, № 25–27). В положительной части статьи Погодин стремился доказать, что «средний век у нас был... как и в Западной Европе, но только под другою формою... Те же задачи разрешались, только посредством других приемов» (с. 28); утверждал, что христианство распространялось у нас «с крестом, а не с мечом», что духовенство действовало «словом и убеждением, а не властью»; что «не было рабства, не было пролетариев» и т. д. Вместе с тем Погодин от лица сотрудников «Москвитянина» отрицал, что они «не уважают Запада» и поклоняются «нечестиво неподвижной старине» (с. 32) и т. д. Погодин считал свою статью «настоящею profession de foi (фр. исповедание веры) славянофилов» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894, кн. VIII, с. 50).

Белинский цитирует в своей статье обширное введение к книге. Статьи Савельева-Ростиславича, входившие в «Славянский сборник»: «Славянское народонаселение в Европе», «Этнографико-историческое объяснение Тацитовы Германии и решение вопроса: кого называли готфами или гутонами».

46 Цитата из книги «Сань-Цзы-Цзин, или Троеслово». Соч. Ван-Бо-хэу, Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829, с. 20. Курсив и исправление формы слова в скобках принадлежат Белинскому.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!